

- [Гилберт Кийт Честертон](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кийт Честертон

Честь Израэля Гау

Оливково-серебристые сумерки сменялись ненастной тьмой, когда отец Браун, укутавшись в серый шотландский плед, дошел до конца серой шотландской долины и увидел причудливый замок. Обиталище графов Гленгайл срезало край лощины или ущелья, образуя тупик, похожий на край света. Как многие замки, воплотившие вкус французов или шотландцев, он был увенчан зелеными крышами и шпилями, напоминавшими англичанину об остроконечных колпаках ведьм; сосновые же леса казались рядом с ним черными, как стаи воронов, летавших над башнями. Однако не только пейзаж внушал ощущение призрачной, словно сон, чертовщины, — это место и впрямь окутали тучи гордыни, безумия и скорби, которые душат знатных сынов Шотландии чаще, чем прочих людей. Ведь в крови у шотландца двойная доза яда, называемого наследственностью, — он верит в свою родовитость, как аристократ, и в предопределенность посмертной участи, как кальвинист.

Священник с трудом вырвался на сутки из Глазго, где был по делу, чтобы повидать друга своего Фламбо, сыщика-любителя, который вместе с сыщиком-профессионалом расследовал в Гленгайле обстоятельства жизни и смерти последнего из владельцев замка. Таинственным графом кончался род, сумевший выделиться отвагой, жестокостью и сумасбродством даже среди мрачной шотландской знати XVI века. Никто не забрел дальше, чем Гленгайлы, в тот лабиринт честолюбия, в те анфилады лжи, которые возвели вокруг Марии, королевы шотландцев.

Причину и плод их стараний хорошо выражал стишок, сложенный в округе:

Копит, копит смолоду
Наш помещик золото.

За много веков в замке не было ни одного достойного графа. Когда наступила викторианская эра, казалось, что странности их исчерпаны. Однако последний в роду поддержал семейную традицию, сделал единственное, что ему осталось: он исчез. Не уехал, а именно исчез, ибо, судя по всему, был в замке. Но хотя имя значилось в церковных книгах и в книге пэров, никто на свете не видел его самого.

Если кто его и видел, то лишь угрюмый слуга, соединявший обязанности садовника и кучера. Слуга этот был таким глухим, что

деловые люди считали его немым, а люди вдумчивые — слабоумным. Бессловесный рыжий крестьянин с упрямым подбородком и ярко-черными глазами звался Израэлем Гау и, казалось, жил один в пустынном поместье. Но рвение, с которым он копал картошку, и точность, с какою он скрывался в кухне, наводили на мысль о том, что он служит хозяину. Если нужны были другие доказательства, всякий мог считать ими то, что на все вопросы слуга отвечал: «Нету дома». Однажды в замок позвали мэра и пастора (Гленгайлы принадлежали к пресвитерианской церкви), и те обнаружили, что садовник, кучер и повар стал еще и душеприказчиком и заколотил в гроб своего высокородного хозяина.

Что было немедленно вслед за этим, никто толком не знал, ибо никто узнать не пытался, пока на север, дня через два-три, не прибыл Фламбо. К этому времени тело графа Гленгайла (если то было его тело) покоилось на маленьком кладбище, у вершины холма.

Когда отец Браун прошел сумрачным садом в самую тень замка, тучи сгустились и в воздухе пахло грозой. На фоне последней полоски золотисто-зеленого неба он увидел черный силуэт — человека в цилиндре, с большой лопатой на плече. Такое нелепое сочетание напоминало о могильщике; но отец Браун припомнил глухого слугу, копающего картошку, и не удивился. Он неплохо знал шотландских крестьян; он знал, что по своей респектабельности они способны надеть сюртук и шляпу для официальных гостей; он знал, что по своей бережливости они не потеряют даром и часа. Даже то, как пристально глядел слуга на проходящего священника, прекрасно увязывалось с их недоверчивостью и обостренным чувством долга.

Парадную дверь открыл сам Фламбо, рядом с которым стоял высокий седой человек, инспектор Крэвен из Скотланд-Ярда. В зале почти не было мебели, но с темных холстов из-под темных париков насмешливо глядели бледные и коварные Гленгайлы.

Проследовав в комнаты, отец Браун увидел, что официальные лица сидят за дубовым столом. Тот конец, где они трудились, был сплошную покрыт бумагами, сигарами и бутылками виски; дальше, во всю длину, на равном расстоянии, красовались исключительно странные предметы: кучка осколков, кучка какой-то темной пыли, деревянная палка и что-то еще.

— У вас тут прямо геологический музей, — сказал отец Браун, усаживаясь на свое место.

— Не столько геологический, сколько психологический, — отвечал Фламбо.

— Ради Бога, — воскликнул сыщик, — не надо этих длинных слов!

— Вы не жалуете психологию? — удивился Фламбо. — Напрасно. Она нам понадобится.

— Не совсем понимаю, — сказал инспектор. — О лорде Гленгайле, — объяснил француз, — мы знаем только одно: он был маньяк.

Мимо окна, черным силуэтом на лиловых тучах, прошел человек с лопатой и в цилиндре. Отец Браун рассеянно поглядел на него и сказал:

— Конечно, он был со странностями, иначе он не похоронил бы себя заживо и не велел бы похоронить так быстро после смерти. Однако почему вам кажется, что он сумасшедший?

— Послушайте, что нашел в этом доме мистер Крэвен, — ответил Фламбо.

— Надо бы мне свечу, — сказал Крэвен. — Темнеет, трудно читать.

— А свечек вы не нашли? — улыбнулся отец Браун. Фламбо серьезно посмотрел на своего друга.

— Как ни странно, — сказал он, — здесь двадцать пять свечей и ни одного подсвечника.

Темнело быстро, и быстро поднимался ветер. Священник встал и направился вдоль стола туда, где лежали свечи. Проходя, он наклонился к бурой пыли — и сильно чихнул.

— Да это нюхательный табак! — воскликнул он.

Потом он взял свечу, бережно зажег ее, вернулся и вставил в бутылку из-под виски. Пламя затрепетало на сквозняке, как флажок. На много миль кругом шумели черные сосны, словно море било о скалу замка.

— Читаю опись, — серьезно сказал Крэвен и взял одну из бумаг. — Поясню вначале, что почти все комнаты были заброшены, кто-то жил только в двух. Обитатель этот, несомненно, не слуга по фамилии Гау. В этих комнатах мы нашли странные вещи, а именно:

1. Довольно много драгоценных камней, главным образом — бриллиантов, без какой бы то ни было оправы. Неудивительно, что у Гленгайлов были драгоценности; но камни обычно оправляют в золото или серебро. В этой семье их, по-видимому, носили в карманах, как мелочь.

2. Много нюхательного табака — не в табакерках и даже не в мешочках, а прямо на столе, на рояле и на буфете, словно хозяину было лень сунуть руку в карман или поднять крышку.

3. Маленькие кучки железных пружинок и колесиков, словно здесь разобрали несколько механических игрушек.

4. Восковые свечи, которые приходится вставлять в бутылки, потому что вставлять их не во что.

Прошу вас, обратите внимание на то, что ничего подобного мы не

ожидали. Основная загадка была нам известна. Мы знали, что с покойным графом не все ладно, и явились, чтобы установить, жил ли он здесь, и умер ли, и как связано со всем этим рыжее пугало, похоронившее его. Предположим самое дикое и театральное. Быть может, слуга убил его, или он вообще жив, или слуга — это он, а настоящий Гау — в могиле. Вообразим любой наворот событий в духе Уилки Коллинза, и мы все равно не сможем объяснить, почему свечи — без подсвечников и почему старый аристократ брал понюшку прямо с рояля. Словом, суть дела представить себе можно; детали нельзя. Человеческому уму не под силу связать табак, бриллианты, свечи и разобранный механизм.

— Почему же? — сказал священник. — Извините, я свяжу их. Граф Гленгайл помешался на французской революции. Он был предан монархии и пытался восстановить в своем замке быт последних Бурбонов. В восемнадцатом веке нюхали табак, освещали комнаты свечами. Людовик Шестнадцатый любил мастерить механизмы, бриллианты предназначались для ожерелья королевы.

Крэвен и Фламбо уставились на него круглыми глазами.

— Поразительно! — вскричал француз. — Неужели так оно и есть?

— Конечно, нет, — отвечал отец Браун. — Я просто показал вам, что можно связать воедино табак, бриллианты, свечи и разобранный механизм. На самом деле все сложнее.

Он замолчал и прислушался к громкому шуму сосен; потом произнес:

— Граф Гленгайл жил двойной жизнью, он был вором. Свечи он вставлял в потайной фонарь, табак швырял в глаза тем, кто его застанет, — вы знаете, французские воры швыряют перец. А главная улика — алмазы и колесики. Ведь только ими можно вырезать стекло.

Обломанная ветка сосны тяжело ударилась о стекло за их спинами, словно изображая вора в зловещем фарсе, но никто на нее не глядел. Все глядели на священника.

— Бриллианты и колесики, — медленно проговорил Крэвен. — Из-за них вы и пришли к такому объяснению?

— Я к нему не пришел, — мягко ответил священник, — но вы сказали, что никак нельзя объединить вот эти вещи. На самом деле, конечно, все гораздо проще. Гленгайл нашел клад на своей земле — драгоценные камни. Колесиками он шлифовал их или гранил, не знаю. Ему приходилось работать быстро, и он пригласил себе в подмогу здешних пастухов. Табак — единственная роскошь бедного шотландца, больше его ничем не подкупишь. Подсвечники им были не нужны, они держали свечи в руке, когда искали в переходах, под замком, нет ли там еще камней.

— И это все? — не сразу спросил Фламбо. — Это и есть простая, скучная истина?

— О, нет! — отвечал отец Браун.

Ветер взвыл на прощание в дальнем бору, словно насмехаясь над ними, и замолк. Отец Браун продолжал задумчиво и спокойно:

— Я говорю все это лишь потому, что вы считаете невозможным связать табак с бриллиантами или свечи с колесиками. Десять ложных учений подойдут к миру; десять ложных теорий подойдут к тайне замка, но нам нужно одно, истинное объяснение. Нет ли там чего-нибудь еще?

Крэвен засмеялся, Фламбо улыбнулся, встал и пошел вдоль стола.

— Пункты пять, шесть и семь, — сказал он, — совершенно бессмысленны. Вот стержни от карандашей. Вот бамбуковая палка с раздвоенным концом. Может быть, ими и совершили преступление — но какое? Преступления нет. И загадочных предметов больше нет, кроме молитвенника и нескольких миниатюр, которые хранятся здесь со средних веков, — по-видимому, фамильная спесь у графов сильнее пуританства. Мы приобщили эти вещи к делу лишь потому, что они как-то странно попорчены.

Буря за окном пригнала к замку валы темных туч, и в длинной комнате было совсем темно, когда отец Браун взял в руки молитвенник. Тьма еще не ушла, когда он заговорил, но голос его изменился.

— Мистер Крэвен, — сказал он так звонко, словно помолодел на десять лет, — вы ведь имеете право осмотреть могилу? Поспешим, надо скорей разгадать это страшное дело. Я бы сейчас и пошел на вашем месте!

— Почему? — удивленно спросил сыщик.

— Потому что оно серьезней, чем я думал, — ответил священник. — Табак и камни могут быть здесь по сотне причин. Но этому есть только одна причина. Смотрите, молитвенник и миниатюры не портили, как мог бы испортить пуританин. Из них осторожно вынули слово «Бог» и сияние над головой Младенца Христа. Так что берите свою бумагу и идем осмотрим могилу. Вскроем гроб.

— О чем вы говорите? — спросил инспектор.

— Я говорю о том, — отвечал священник, перекрывая голосом рев бури, — что сам Сатана, быть может, сидит сейчас на башне замка и ревет, как сто слонов. Мы столкнулись с черной магией.

— Черная магия, — тихо повторил Фламбо, слишком образованный, чтобы в нее не верить. — А что же тогда означает все остальное?

— Какую-нибудь мерзость, — нетерпеливо отвечал Браун. — Откуда мне знать? Может быть, табак и бамбук нужны для какой-то пытки. Может

быть, безумцы едят воск и стальные колесики. Может быть, из графита делают гнусный наркотик. Проще всего решить загадку там, на кладбище.

Собеседники едва ли поняли его, но послушались и шли, пока вечерний ветер не ударил им в лицо. Однако слушались и шли они, как автоматы. Крэвен держал в правой руке топорик, а левой рукой ощупывал в кармане нужную бумагу. Фламбо схватил по пути заступ. Отец Браун взял маленькую книгу, из которой вынули имя Божье.

На кладбище вела извилистая короткая тропинка; однако в такой ветер она казалась крутой и длинной. Путников встречали все новые сосны, клонившиеся в одну и ту же сторону, и поклон их казался бессмысленным, словно это происходило на необитаемой планете. Серовато-синий лес оглашала пронзительная песнь ветра, исполненная языческой печали. В шуме ветвей слышались стоны погибших божеств, которые давно заблудились в этом бессмысленном лесу и никак не найдут пути на небо.

— Понимаете, — тихо, но спокойно сказал отец Браун, — шотландцы до Шотландии были занятыми людьми. Собственно, они и сейчас заняты. Но до начала истории они, наверное, и впрямь поклонялись бесам. Потому, — незлобиво прибавил он, — они приняли так быстро пуританскую теологию.

— Друг мой, — воскликнул Фламбо, гневно обернувшись к нему, — что за чушь вы городите?

— Друг мой, — все так же серьезно отвечал отец Браун, — у настоящих религий есть одна непременная черта: вещественность, весомость. Сами видите, беспоклонство — настоящая религия.

Они взобрались на растрепанную макушку холма, одну из немногих лужаек среди ревающего леса. Проволока на деревянных кольях пела под ветром, оповещая пришельцев о том, где проходит граница кладбища. Инспектор Крэвен быстро подбежал к могиле; Фламбо вонзил в землю заступ и оперся на него, хотя ветер качал и тряс обоих сыщиков, как сотрясал он проволоку и сосны. В ногах могилы рос серебряно-сизый репейник. Когда ветер срывал с него колючий шарик, Крэвен отскакивал, словно то была пуля.

Фламбо вонзил заступ в свистящую траву и дальше, в мокрую землю. Потом остановился, облокотясь на него, как на посох.

— Ну, что же вы? — мягко сказал священник. — Мы хотим узнать истину. Чего вы боитесь?

— Я боюсь ее узнать, — ответил Фламбо. Лондонский сыщик произнес высоким, надсадным голосом, который ему самому казался бодрым:

— Нет, почему он так прятался? Что за пакость? Может, он прокаженный?

— Думаю, что-нибудь похуже, — сказал Фламбо.

— Что же хуже проказы? — спросил сыщик.

— Представить себе не могу, — ответил Фламбо.

Ветер унес тяжелые серые тучи, обложившие холмы, словно дым, и открыл взору серые долины, освещенные слабым звездным светом, когда Фламбо обнажил наконец крышку грубого гроба и пообчистил ее от земли.

Крэвен шагнул вперед, держа топорик, коснулся репейника и вздрогнул. Но он не отступил и трудился с такой же силой, как Фламбо, пока не сорвал крышку и не сказал:

— Да, это человек, — словно ожидал чего-то иного.

— У него все в порядке? — нервным голосом спросил Фламбо.

— Вроде бы да, — хрипло ответил сыщик. — Нет, постойте...

Тяжкое тело Фламбо грузно содрогнулось.

— Ну, что с ним может быть? — вскричал он. — Что с нами такое? Что творится с людьми на этих холодных холмах? Наверное, это потому, что все тут темное и все как-то глупо повторяется. Леса и древний ужас перед тайной, словно сон атеиста... Сосны, и снова сосны, и миллионы сосен...

— О, Господи! — крикнул Крэвен. — У него нет головы. Фламбо не двинулся, но священник впервые шагнул к могиле.

— Нет головы! — повторил он. — Нет головы? — словно он думал, что нет чего-то другого.

Полубезумные образы пронеслись в сознании собравшихся. У Гленганлов родился безголовый младенец; безголовый юноша прячется в замке; безголовый старик бродит по древним залам или по пышному парку. Но даже теперь они не принимали разгадки, ибо в ней не было смысла, и стояли, внимая гулу лесов и воплю небес, словно истуканы или загнанные звери. Мыслить они не могли; мысль была для них велика, и они ее упустили.

— У этой могилы, — сказал отец Браун, — стоят три безголовых человека.

Бледный сыщик из Лондона открыл было рот и не закрыл его, словно деревенский дурачок. Воющий ветер терзал небо. Сыщик взглянул на топорик, его не узнавая, и уронил на землю.

— Отец, — сказал Фламбо каким-то детским, горестным голосом, — что нам теперь делать?

Друг его ответил так быстро, словно выстрелил из ружья.

— Спать! — крикнул он. — Спать. Мы пришли к концу всех дорог. Вы знаете, что такое сон? Вы знаете, что спящий доверяется Богу? Сон — таинство, ибо он питает нас и выражает нашу веру. А нам сейчас нужно таинство, хотя бы естественное. На нас свалилось то, что нечасто сваливается на человека; быть может, самое худшее, что может на него свалиться.

Крэвен разжал сомкнувшиеся губы и спросил:

— Что вы имеете в виду?

Священник повернулся к замку и сказал:

— Мы нашли истину, и в истине нет смысла.

А потом пошел по дорожке тем беззаботным шагом, каким ходил очень редко, и, придя в замок, кинулся в сон с простотою пса.

Несмотря на славословие сну, встал он раньше всех, кроме бессловесного садовника, и сыщики застали его в огороде, где он курил трубку и смотрел, как трудится над грядками этот загадочный субъект. Под утро гроза сменилась ливнем, и день выдался прохладный. По-видимому, садовник только что беседовал с пастырем, но, завидев сыщиков, угрюмо воткнул лопату в землю, проворчал что-то про завтрак и скрылся в кухне, прошествовав мимо рядов капусты.

— Почтенный человек, — сказал отец Браун. — Прекрасно растит картошку. Однако, — беспристрастно и милостиво прибавил он, — и у него есть недостатки, у кого их нет? Эта грядка не совсем прямая. Вот, смотрите. — И он тронул землю ногой. — Какая странная картошка...

— А что в ней такого? — спросил Крэвен, которого забавляло новое увлечение низкорослого клирика.

— Я отметил ее потому, — сказал священник, — что ее отметил и Гау. Он копал всюду, только не здесь.

Фламбо схватил лопату и нетерпеливо вонзил в загадочное место. Вместе с пластом земли на свет вылезло то, что напоминало не картофелину, а огромный гриб. Но лопата звякнула; а находка покатилаь словно мяч.

— Граф Гленгайл, — печально сказал Браун и посмотрел на череп.

Он подумал минутку, взял у Фламбо лопату и со словами «Надо его закопать» это и сделал. Потом оперся на большую ручку большой головой и маленьким телом и уставился вдаль пустым взором, скорбно наморщив лоб.

— Ах, если б я мог понять, — пробормотал он, — что значит весь этот ужас!..

И, опираясь о ручку стоящей торчком лопаты, закрыл лицо руками,

словно в церкви.

Все уголки неба светлели серебром и лазурью; птицы щебетали в деревьях так громко, словно сами деревца беседовали друг с другом. Но трое людей молчали.

— Ладно, — взорвался наконец Фламбо, — с меня хватит. Мой мозг и этот мир не в ладу, вот и все. Нюхательный табак, испорченные молитвенники, музыкальные шкатулки... Да что же это?..

Отец Браун откинул голову и с не свойственным ему нетерпением дернул рукоятку лопаты.

— Стоп, стоп, стоп! — закричал он. — Это все проще простого. Я понял табак и колесики, как только открыл глаза. А потом я поговорил с Гау, он не так глух и не так глуп, как притворяется. Там все в порядке, все хорошо. Но вот это... Осквернять могилы, таскать головы... вроде бы это плохо? Вроде бы тут не без черной магии? Никак не вяжется с простой историей о табаке и свечах. — И он задумчиво закурил.

— Друг мой, — с мрачной иронией сказал Фламбо, — будьте осторожны со мною. Не забывайте, недавно я был преступником. Преимущество — в том, что всю историю выдумывал я сам и разыгрывал как можно скорее. Для сыщика я нетерпелив. Я француз, и ожидание не по мне. Всю жизнь я, к добру ли, к худу ли, действовал сразу. Я назначал поединок на следующее утро, немедленно платил по счету, даже к зубному врачу...

Трубка упала на гравий дорожки и раскололась на куски. Отец Браун вращал глазами, являя точное подобие кретина.

— Господи, какой же я дурак! — повторял он. — Господи, какой дурак! — И начал смеяться немного дребезжащим смехом. — Зубной врач! — сказал он. — Шесть часов я терзался духом, и все потому, что не вспомнил о нем! Какая простая, какая прекрасная, мирная мысль! Друзья мои, мы провели ночь в аду, но сейчас встало солнце, поют птицы, и сияние зубного врача озаряет мир.

— Я разберусь, что тут к чему! — крикнул Фламбо. — Пытать вас буду, а разберусь!

Отец Браун подавил, по всей видимости, желание пройтись в танце вокруг светлой лужайки и закричал жалобно, как ребенок:

— Ой, дайте мне побыть глупым! Вы не знаете, как я мучился. А теперь я понял, что истинного греха в этом деле нет. Только невинное сумасбродство, это ведь не страшно.

Он повернулся вокруг оси, потом серьезно посмотрел на спутников.

— Это не преступление, — сказал он. — Это история о странной,

искаженной честности. Должно быть, мы повстречали единственного человека на свете, который не взял ничего, кроме того, что ему причитается. Он проявил ту дикую житейскую последовательность, которой поклоняется его народ.

Старый стишок о Гленгайлах не только метафора, но и правда. Он говорит не только о тяге к богатству. Графы собирали именно золото, они собрали много золотой утвари и золотых узоров. Они были скупцами, свихнувшимися на этом металле. Посмотрим теперь, что мы нашли. Алмазы без колец; свечи без подсвечников; стержни без карандашей; трость без набалдашника; часовые механизмы без часов — наверное, маленьких. И как ни дико это звучит, молитвенники без имени Бога, ибо его выкладывали из чистого золота.

Сад стал ярче, трава — зеленее, когда прозвучала невыносимая истина. Фламбо закурил; друг его продолжал.

— Золото взяли, — говорил отец Браун, — взяли, но не украли. Воры ни за что не оставили бы такой тайны. Они взяли бы табак, и стержни, и колесики. Но здесь был человек со странной совестью — и все же с совестью. Я встретил безумного моралиста в огороде, и он мне многое рассказал.

Покойный лорд Гленгайл был лучше всех, кто родился в замке. Но его скорбная праведность обратилась в мизантропию. Мысль о несправедливости предков привела его к мыслям о несправедливости всех людей. Особенно ненавидел он благотворительность; и поклялся, что, если встретит человека, который берет только свое, он отдаст ему золото Гленгайлов. Бросив этот вызов человечеству, он заперся, не ожидая ответа. Однажды глухой идиот из дальней деревни принес ему телеграмму, и Гленгайл, мрачно забавляясь, дал ему новый фартинг. Вернее, он думал, что дал фартинг, но, перебирая монеты, увидел, что дал по рассеянности соверен. Он стал прикидывать, исчезнет ли деревенский дурак или продемонстрирует честность; воровом окажется он или ханжой, ищущим вознаграждения. Ночью его поднял стук (он жил один), и ему пришлось открыть дверь. Дурак принес не соверен, а девятнадцать шиллингов одиннадцать пенсов три фартинга сдачи.

Дикая эта точность поразила разум безумца. Как Диоген, искал он человека — и нашел! Тогда он изменил завещание. Я его видел. Молодого буквалиста он взял к себе, в большой и запущенный дом. Тот стал его слугой и, как ни странно, наследником. Что бы ни понимало это создание, оно прекрасно поняло две навязчивые идеи хозяина: буква закона — все, а золото принадлежит ему. Вот вам наша история; она проста. Он забрал

золото, и больше не взял ничего, даже понюшки табаку. Он ободрал золото с миниатюр, радуясь, что они остались, как были. Это я понимал; но я не понял про череп. Голова среди картошки озадачила меня — пока Фламбо не вспомнил о враче. Все в порядке. Садовник положит голову в могилу, когда снимет золотую коронку.

И впрямь, когда, немного позже, Фламбо шел по холму, он увидел, как странная тварь, честный скряга, копает оскверненную могилу. Шея его была укутана пледом — в горах дует ветер; на голове красовался черный цилиндр.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)